

Личность Сталина, скрытые до сих пор подробности жизни его и его семьи вызывают интерес не только у профессиональных историков, социологов, психологов, но и у широкого круга читателей. Поэтому мы не удивились, когда после программы «Взгляд», где состоялось короткое знакомство с внуком Сталина, режиссером Центрального академического театра Советской Армии, заслуженным деятелем искусства РСФСР А. Бурдонским, в редакцию пришли письма с просьбой познакомиться с ним поближе.

Александр Васильевич окончил режиссерский факультет ГИТИСа и вот уже 16 лет работает в ЦАТСа. Он поставил «Вассу Железнову» Горького,

— Александр Васильевич, почему вы выбрали для постановки именно эту пьесу?

— Потому что драма Николая Робертовича Эрдмана «Мандат», написанная в 20-е годы, и сегодня не потеряла своей актуальности. Рожденная совсем молодым драматургом, она заключает в себе дар предвидения. В свое время была поставлена Мейерхольдом. Эта пьеса о людях, которые, по словам автора, «при любом режиме хотят быть бессмертными». о злойшей повторяемости, «непотопляемости» такого явления, как духовное мешанство. Оно-то и является питательной средой для процветания бюрократии, возникновения вождизма, культа личности — чудовищного сплава революционных и монархических идей.

На главную тему «работает» и оформление спектакля: на переднем плане на фоне Кремлевской стены установлен макет в хорошо узнаваемой фуражке, из черва которого появляются все персонажи... Впрочем, мне трудно говорить об этом. Находятся люди, которые мои взгляды на сталинизм считают желанием откеститься от своего деда.

— А вы хорошо его помните, часто ли встречались?

— Я никогда его близко не видел, только на парадах с гостевой трибуны. Сталин внуками не интересовался, да, пожалуй, и детьми тоже. Так что имя Сталина у меня не ассоциируется с общепринятым семейным понятием «дедушка». Бесплотный символ, недосягаемый и недоступный. Доминирующим было чувство страха, связанное с именем деда. Оно рождалось из множества мелочей, обрывков фраз, разговоров в семье, в самой атмосфере, на которую влиял ха-

«Снеги пали» Феденева, «Орфей спускается в ад» Уильямса, «Последний пылкий влюбленный» Саймона, «Даму с камелиями» Дюма. Только что состоялась премьера его новой постановки, которую театр считает для себя принципиальной, — «Мандат» Эрдмана.

Встретились мы на следующий день после премьеры. Ее горячо приняли зрители, и не удивительно, что вся квартира была заставлена букетами цветов. Мой собеседник, живой и эмоциональный, с резкими чертами подвздошного лица, внешне мало напоминал своего деда. Мысли его, заботы, непрерывные телефонные звонки — все было связано с премьерой, большим событием для каждого режиссера. Естественно, разговор начался с этой темы.

актер Сталина. — замкнутый, властный, не значущий милосердия.

— Кто была ваша мама, когда она встретилась с отцом?

— Мама, Галина Александровна Бурдонская, училась в Полиграфическом институте на редакционно-издательском факультете. Фамилия ее идет от прапрадеда — француз Булдоне. Пришел он в Россию вместе с армией Наполеона, был ранен. В Волоколамске женился на русской.

С Василием Иосифовичем Сталиным они поженились в 1940 году. Я родился в 41-м, а через полтора года появилась на свет сестра Надежда.

Первое время родители жили на квартире у Сталина в Кремле, в здании бывшей казармы. Обставлена была старой казенной мебелью с инвентарными номерами. Удобств никаких. С невесткой Сталин никогда не общался. Да и нас с сестрой видеть не желал. А когда в дом пришла беда, маме и в голову не могло прийти обратиться к нему за помощью.

— Что же случилось?

— Совместная жизнь у родителей не сложилась. Мне было четыре года, когда мама от отца ушла. Детей ей взять с собой не позволили.

Нас разлучили на восемь лет.

У нас появилась мачеха Екатерина Семеновна, дочь маршала Тимошенко, — женщина властная и жесткая. Мы, чужие дети, ее, видимо, раздражали. Пожалуй, этот период жизни был самым трудным. Нам не хватало не только тепла, но и элементарной заботы. Кормить забывали по три-четыре дня, одних запирали в комнате.

Помню такой эпизод. Жили зимой на даче. Ночь, темнота. Мы с сестрой тихонько спускаемся со второго этажа, идем во двор, в погреб, за сырой картошкой и морковкой. Поварихе Исаевне здорово попадало, когда она нам что-нибудь приносила.

А потом у отца появилась третья жена — Капитолина Георгиевна Васильева, известная в то время пловчиха. Я ее вспоминаю с благодарностью, да и теперь мы поддерживаем связь. Она была единственной в то время, кто по-человечески пытался помочь отцу.

— В вашем семейном альбоме я обратила внимание на одну любопытную фотографию. Девочка Галя Бурдонская в белых шортиках, улыбающаяся, стоит рядом с папой, а за спиной — огромный портрет Сталина с надпи-

сью «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Такая вот ирония судьбы. Что же было дальше?

— Мама, разлученная с детьми, металась в поисках выхода, но наталкивалась на стену. Однажды ей удалось тайком встретиться со мной. Это было, когда я учился в 59-й школе в Староконовском переулке. Незнакомая женщина подошла на перемене, сказала, что в подъезде соседнего дома ждет мама. Видимо, кто-то передал отцу, и

дома мастерить, слесарить. Близко знавшие говорили о нем — «золотые руки». Был отличным летчиком, смелым, отчаянным. Участвовал в Сталинградском сражении, в битве за Берлин.

Мама рассказывает такой эпизод. Это случилось на аэродроме в Шяуляе. Ночью всех подняли по тревоге — немецкие танки прорвались к аэродрому. Началась паника. Отец посадил маму в «виллис», носился по летному полю, останавливал всех и кричал «Тру-

годы сестра бабушки — Анна Сергеевна Аллилуева передала нам сундук, где хранились вещи Надежды Сергеевны. Меня поразила скромность ее платьев. Старая кофта с заплатами под мышкой, поношенная юбка из темной шерсти, а с изнанки — вся в круглых заплатках. И это носила молодая женщина, о которой говорили, что она любила красивые наряды.

— Когда состоялся XX съезд, вам было уже пятнадцать лет, вполне сознательный возраст. Стало

кого студента первого курса формируется человек, которому весь курс соглашается подчиняться? Тут решает многое — и способности, и человеческие качества. И чуткость, и манера общения, и выдержка, и воля». — Прим. авт.).

Мария Осиповна потом рассказывала, о чем думала при первой нашей встрече: «Вот сидит передо мной потомок страшного человека, причинившего мне много боли, репрессировавший брата. И у меня в руках его судь-

КУДА УХОДЯТ ДНИ? ОНИ ВСЕ С НАМИ

Воспоминания 1948, 1955

меня сразу отправили в суворовское училище. Думаю, еще одной причиной такого решения был мой характер, слишком мягкий, на взгляд отца.

Мама в это время бедствовала, пыталась устроиться на работу. Но, как только в отделе кадров видели паспорт со штампом о регистрации брака с Василием Сталиным, отказывали под любым предлогом. Помог случай. Узнала ее историю домоуправ, женщина грубовавшая, куряка и матерщинница. Совершила она по тем временам смелый поступок — сожгла мамин паспорт в печке и похлопала о новом, уже без «штампа».

Когда умер Сталин, мама послала письмо Берии с просьбой вернуть детей. Слава богу, что оно не успело найти адресата — его арестовали. Иначе могло это кончиться плохо. Написала Ворошилову, и только после этого нас вернули маме. Мы и сейчас живем вместе — я и мама. У сестры Надежды своя семья. Иногда спрашивают: почему люблю ставить спектакли о нелегких женских судьбах? Из-за мамы.

— Как вы относитесь к отцу теперь, с высоты своего жизненного опыта?

— Не забыл ничего. Но не могу быть ему судьей. Иногда, размышляя о судьбе отца, думаю, что в его гибели во многом виновато и окружение — лстыцы, прихлебатели, солбытники, внушавшие, что ему все дозволено.

По натуре был он добрым человеком. Любил

сы, смотрите, женщина и та не боится». Панику приостановил, машины благополучно поднялись в воздух.

Жизнь его окончилась загадочно трагически. В 1953 году, после смерти Сталина, Василий Иосифович был арестован и просидел в тюрьме восемь лет, сначала в Лефортовской в Москве, потом во Владимире. По указанию Хрущева был освобожден. Хрущев пригласил к себе, принес извинение за несправедливый арест. Отцу вернули звание генерал-лейтенанта, дали квартиру на Фрунзенской набережной. Но затем предложили уехать из Москвы, выбрать для жительства любое место, кроме Москвы и Грузии. Отец выбрал Казань, где служили летчики-однопольчане. А вскоре пришла телеграмма с сообщением о смерти. Вместе с Капитолиной Георгиевной и Надеждой мы ездили его хоронить. Как и отчего отец умер, нам никто объяснить внятно не смог...

— А потом — мешало ли помогало то, что вы внук Сталина?

— Однажды помогло. А было это так. Учился я ахтерскому мастерству у Олега Ефремова. Но очень хотел стать режиссером. И Ефремов порекомендовал меня замечательному педагогу, профессору ГИТИСа Марии Осиповне Кнебель. Каким же это было счастьем — встреча с ней, каким подарком судьбы! Она стала для меня наставником, другом, второй матерью. Своей доброй рукой она сняла с меня этот мучивший постоянно комплекс «внука Сталина».

— Подробно обо всем написала моя тетя Светлана Аллилуева в книге «Двадцать писем к другу». Мне кажется, что ее можно было издать и у нас.

— Подробно обо всем написала моя тетя Светлана Аллилуева в книге «Двадцать писем к другу». Мне кажется, что ее можно было издать и у нас.

— Как-то в пятидесятые

ли откровением, о чем говорилось на съезде?

— Пожалуй, нет. Многие мамы подруги сидели в лагерях. Сама она жила под постоянной угрозой ареста. По семь-восемь лет провели в одиночных камерах многие из семьи Аллилуевых. Я знал об этом. И относился ко всему так, как все нормальные люди.

Но для окружающих мы были родственниками Сталина. Замолчал на многие месяцы телефон. Ретивая директриса в школе начала придираться к нам с сестрой по каждому поводу, мы стали персонами нон грата. Пришлось перейти в другую школу.

— А потом — мешало ли помогало то, что вы внук Сталина?

— Однажды помогло. А было это так. Учился я ахтерскому мастерству у Олега Ефремова. Но очень хотел стать режиссером. И Ефремов порекомендовал меня замечательному педагогу, профессору ГИТИСа Марии Осиповне Кнебель. Каким же это было счастьем — встреча с ней, каким подарком судьбы! Она стала для меня наставником, другом, второй матерью. Своей доброй рукой она сняла с меня этот мучивший постоянно комплекс «внука Сталина».

— Подробно обо всем написала моя тетя Светлана Аллилуева в книге «Двадцать писем к другу». Мне кажется, что ее можно было издать и у нас.

ба. Так что же, отомстить ему? Но он-то в чем виноват, такой худенький, беззащитный? И захотелось приласкать, погладить, защитить». У этой маленькой женщины было большое сердце.

К сожалению, так думать не все. Иной у афиши гадает — что я хотел сказать тем или этим спектаклем? Против кого и в чью защиту?..

Все пережитое в прошлом? Нет. И от комплекса, пожалуй, не избавился до конца. В «Годах странствий» Арбузова, где я играл в ГИТИСе Ведерникова, он спрашивает у сержанта: «Куда уходят все дни?». А тот отвечает: «А куда им уходить, они все с нами...».

Думаю, что театр может многое изменить в жизни, помогает человеку узнать самого себя, бороться против насилия, физического и нравственного. Что касается всего, что мы сегодня называем сталинизмом и феноменом Сталина, то надо разбираться в этом явлении как художнику, не беря на себя роль судьбы.

Мечтаю ставить классику. Она касается вечных тем, исследует глубины человеческой души, проблемы власти.

Люблю актеров своего театра, особенно Людмилу Касаткину, Владимира Зельдина, Нину Сазонову, своих молодых друзей. Выбирая пьесы, хотелось бы учесть и их интересы, этим сейчас живу. Ведь мой родной дом — в театре.

Беседу вела М. БЕЛОСТОЦКАЯ.

Фото А. ГОРЕЛОВСКОГО.